

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**КУЛЬТУРА КАК СИСТЕМА
В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ:
ОПЫТ ЗАПАДНО-СИБИРСКИХ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ СОВЕЩАНИЙ**

*Материалы XV Международной Западно-Сибирской
археолого-этнографической конференции
Томск, 19 – 21 мая 2010 г.*

«Аграф-Пресс»
2010

сведений о том, состоялась ли эта поездка. Известно лишь одно. В 1919 г., по возвращении из Тувы, А.П. Ермолаев заболевает тифом и умирает. Трудно предположить, как сложилась бы судьба этого незаурядного исследователя в советское время, если бы не его преждевременная смерть.

Но и после смерти А.П. Ермолаева материалы, собранные в годы пребывания исследователя в Туве, продолжали поступать в Красноярский музей, теперь уже от его вдовы – М.А. Ермолаевой. Так, в 1919 г., сразу после кончины супруга, она продала музею более 50 «сойотских» предметов: бытовую и культовую (ламаистскую) посуду, вырезанные из агальматолита фигурки, изображения шаманских духов и бубен и т.п. (КККМ, о/ф № 1579). Спустя еще 10 лет, в 1929 г., она передала музею выючный ящик и ковер из кошмы (КККМ, о/ф № 1631).

Хотя часть работ А.П. Ермолаева вышла отдельными изданиями, многое из написанного им так и не увидело свет. Неопубликованными остались рукописи «Материалы к археологии Красноярского района», «Этнографические заметки» и другие работы по археологии, этнографии и фольклору, в которых отчетливо просматривается комплексный подход к изучению прошлого Приенисейской Сибири.

Своими сборами А.П. Ермолаев не только существенно пополнил коллекции музея, но сохранил многие детали жизни и быта коренного и старожильского населения Приенисейского края. Он был не просто собирателем, но и замечательным наблюдателем и исследователем.

О.Б. БЕЛИКОВА

Россия, Томск

Томский государственный университет

ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОДНОГО КУРГАНА КОНЦА XVI–XVII вв.
ИЗ ТАЁЖНОГО ПРИЧУЛЫМЬЯ (ЗЫРЯНСКИЙ МОГИЛЬНИК)

К началу XXI в. в археологии южнотаёжной зоны Западной Сибири наблюдается явный недостаток подробно изученных и опубликованных комплексов XVI–XVII вв., несмотря на наличие большого массива археологического материала. Это обстоятельство негативно сказывается на изучении истории и культуры позднего Средневековья, включая такие вопросы, как определение состава культурно-этнических компонентов в археологии II тыс. н.э., формирование коренного населения – чулымских тюрков, селькупов, кетов, эвенков, томских татар и других этносов, а также реконструкция политических событий. Громадный информационный потенциал археологического источника XVI–XVII вв., особенно погребального, очевиден не только ввиду его лучшей сохранности. Возможности его углублённой историко-культурной интерпретации во многом обусловлены хронологической близостью с богатейшими в своей совокупности этнографическими, лингвистическими, фольклорными, антропологическими, письменными материалами и проч.

Обращусь к опыту исследования одного погребального комплекса конца XVI–XVII в. из таёжного Причулымья (юго-восточная периферия Западносибирской равнины) – кургана 1 Зырянского курганного могильника. Памятник расположен близ районного центра Зырянское (Зырянский район Томской области) на левобережье р. Чулым (правый приток Оби), его рекогносцировочные раскопки проведены в 1985 г.

Раскоп размером 8x10 м, общей площадью около 64 м² был разбит на земляной насыпи округлой формы (размером около 5,4x6,0 м, высотой до 0,72 м) и двух подовальных околочурганых ямах. Единственное погребение включало погребальное сооружение (деревянная рама-обкладка с берестяными перекрытием и подстилкой), костные останки трёх людей (мужчина около 40 лет, женщины 20–25 и 30–40 лет), разнообразный и многочисленный инвентарь (160 отдельных местонахождений). Скелеты мужчины и молодой женщины зафиксированы без черепов. Богатейшим в информативном плане является своеобразный миникомплекс в виде группы ямок 1–3 в юго-западной части погребения, в области нижних конечностей скелетов 1 и 2. Примечательны фиксация большей части погребения *in situ*, незаурядность ряда артефактов и, особенно, обнаружение в ямке 1 уникального по содержанию и сохранности объекта с археоботаническими и другими компонентами. Качественные и количественные особенности кургана 1 Зырянского могильника позволяют отнести его к числу эталонных комплексов в изучении средневековой истории таёжного Причулымья.

Особенности основных источников (археологических, археоботанических), применение методов разных наук для их анализа, привлечение разнообразного сравнительного материала придаёт исследованию кургана комплексный и междисциплинарный характер. Этот подход в научных разысканиях не только наиболее эффективен – сегодня он стал уже нормой, в том числе в исторических реконструкциях на основе археологических источников. В Причулымье в отличие от многих других сибирских территорий, сложилась на редкость благоприятная ситуация: комплексные исследования процессов культурогенеза и этногенеза в этом районе стали реализовываться с 1860-х гг. Начало этой традиции положили работы В.В. Радлова в 1863 г., комплексные разыскания были продолжены во второй половине 1940-х – 1950-е гг. под руководством А.П. Дульзона с участием Е.М. Пеняева, В.С. Синяева, Р.А. Ураева, Н.С. Розова. Наиболее полное, в том числе по характеру использованных источников (этнографических, лингвистических и антропологических), комплексное исследование чулымских тюрков Нижнего и Среднего Чулыма проводилось во второй половине 1980-х гг. авторским коллективом, в составе этнографа Э.Л. Львовой, лингвиста Р.М. Бирюковой, антропологов Г.А. Аксяновой, А.Н. Багашёва, В.А. Дрёмова, Г.Л. Хить. Во многом уникальные результаты их работы сконцентрированы в монографии «Тюрки таёжного Причулымья: популяция и этнос» (1991).

Синтезом гуманитарных и естественно-технических наук является исследование материалов представленного кургана I Зырянского могильника. Междисциплинарный подход в изучении таёжного Причулымья расширяется за счёт привлечения археоботанических данных. Основные результаты исследования заключаются в следующем.

Палеоботаническая характеристика района расположения памятника. Уже с начала XX в. большинство исследователей признаёт, что распространение лиственных лесов на левобережье Чулыма в пределах его нижнего и среднего течения, включая Яя-Кийское междуречье, где расположен Зырянский могильник, является *следствием антропогенного воздействия*. Вплоть до конца XIX в. здесь в основном были распространены тёмнохвойные леса южнотаёжной зоны, которые вследствие изменения климата, влияния пожаров, массовых размножений вредоносного сибирского шелкопряда, а также антропогенного фактора сменились лиственными лесами. Мощная антропогенная деградация коренной растительности была вызвана освоением Причулымья славянским (русским) населением, которое началось с первых десятилетий XVII в., но особенно активизировалось в XVIII в. Палеоботаническая оценка территории позволяет говорить о том, что население, оставившее Зырянский могильник в конце XVI – XVII в. жило именно в таёжной зоне.

Аэрофотосъёмка памятника и его окрестностей. Подробная аэрофотосъёмка, проведённая в октябре 2008 г. (фотограф В.В. Леонтьев, пилот дельтолёта Е.П. Антипов) со всей очевидностью зафиксировала *современное состояние ландшафта* по левой коренной террасе Чулыма, в районе нахождения Зырянского могильника – лиственные леса, лесостепная местность, сельскохозяйственные поля. Она также наглядно проявила топографические особенности месторасположения памятника – *привязка к основной излучине Чулыма*. В районе некрополя крутая система поворотов русла (почти под 90°) изменяет общее направление течения реки с СВ на СЗ. Кардинальная подпрямоугольная излучина издавна известна картографам, в том числе чётко зафиксирована для конца XVII в. С.У. Ремезовым. Обрывистая левая (южная) коренная терраса Чулыма высотой около 15 м в районе излучины постоянно подмывается, для русла характерны водовороты, быстрое течение. Это «нехорошее место» наверняка было известно средневековым причулымцам и могло ими почитаться. В подобных случаях, приводя слова М. Элиаде, «объект представляется как бы вместилищем инородной силы, которая выделяет его из окружающей среды и сообщает ему силу и ценность» (1987, с. 32). Но, с другой стороны, очевидно, в целях сохранности некрополя, средневековые жители поступили очень рационально: соорудили его несколько в стороне от опасного водотока Чулыма – на территории, ограниченной р. Берла (на западе) и краем чулымской террасы и протекающей под ней протокой (на севере).

Аналитические исследования материалов кургана. Результаты культурно-исторической интерпретации любого археологического комплекса во многом определяются глубиной его исследования. Через призму этого постулата изучались по возможности и материалы раскопок кургана I Зырянского могильника.

Его многочисленный инвентарь представляют орудия труда, охоты (?), предметы быта, детали конского снаряжения, вооружения, одежды (включая головной убор и обувь), украшения. Определения материала изделий выполнялись различными естественнонаучными методами. Группа железных предметов (кузнечный инструментарий – наковальня, клещи, 2 молотка, а также топор и боевой нож) подвергнута *металлографическому* исследованию – макро- и микроструктурному изучению и измерению микротвёрдости структурных составляющих (Н.М. Зиняков). Бещественный состав артефактов из цветного металла (24 экз.: украшения, детали конского снаряжения и вооружения) и трёх напярсел (из гумусового бурого угля, включая привлекаемые для сравнения) характеризовался с помощью *спектрального анализа*, другие 3 находки из камня – *рентгеноструктурного анализа* (специалист в области минералогии, геммологии и геохимии С.И. Коноваленко). *Дендрологическим* исследованиям подверглись образцы дерева и бересты из погребальной конструкции, а также берестяные детали обуви (В.Д. Невсетаило). Изучались и фрагменты текстильных тканей (Т.Н. Глушкова).

Даны также *палеозоологическая* характеристика находок костей животных и предметов из них (Н.Д. Оводов, А.В. Шпанский) и *антропологическая* (В.А. Дрёмов, А.В. Зубова). Ориентируясь на современный уровень исследования, приходится только сожалеть, что рассматриваемое погребение во время расчистки 1985 г. не изучалось методами «полевой антропологии» – при непосредственном участии антрополога. Да и после по объективным причинам стало невозможно провести остеологический анализ «верхних» позвонков скелетов 1–2 (без черепов) на предмет возможного наличия следов рубки и резки. Методами современных разысканий указания диагностика вполне осуществима, что подтверждает, в частности, изучение О.В. Зайцевой «расчленённых» и парциальных погребений Западной Сибири.

Археоботанические исследования проводились по материалам антропогенного скопления с палеоботаническими остатками общим объёмом на момент раскопок около 3,9 л (Е.А. Пономарёва, Ю.А. Львов, М.А. Лукьянова). Комплексный анализ этого уникального источника конца XVI–XVII в. был сопряжён с приведением доказательств его надёжности, достоверности для культурно-исторических реконструкций, т.е. включения в систему всего погребального ритуала. Опыт показал крайнюю необходимость междисциплинарного исследования палеоботанических материалов из погребальных памятников ещё на этапе полевых работ – археологами совместно с ботаниками, зоологами, почвоведом и др. Результатом камерального палеокарпологического изучения, выполненного Е.А. Пономарёвой, стало определение 50 растений до вида, рода, редко до семейства. Среди них выделены сорные (сегетальные и рудеральные) и пищевые (включая растение, похожее на овёс посевной), а также собирательная группа растений – объединяет виды двух предыдущих групп, но имеет ещё и лекарственное значение.

Общие подходы в интерпретации курганного комплекса. Результаты аналитических исследований существенно отразились в комплексной интерпретации материалов кургана с привлечением данных смежных гуманитарных наук – этнографии, истории, фольклористики, лингвистики. Были реконструированы некоторые особенности бытовых и сакральных традиций в жизни средневекового населения таёжного Причулымья. Эти разыскания основывались на

двух главных методологических принципах в изучении источника, хорошо известных археологам. Курганный комплекс анализировался как преднамеренно созданная человеком упорядоченная структура, в отличие, например, от случайно формировавшегося культурного слоя поселения. Очевидная *сакральность* археологического объекта (курган для захоронения людей), включая скопление с археоботаническим материалом, наложила определённые ограничения на восстановление практической деятельности населения конца XVI – XVII в. в сфере их повседневной культуры, в том числе на палеэкономические реконструкции.

С этих источниковедческих позиций на основе материалов Зырянского могильника, при учёте других сведений выстраивались историко-культурные интерпретации относительно курганного комплекса с археоботаническим объектом. В том числе была предпринята попытка реконструировать с позиции *семиотического подхода* некоторые стороны погребального ритуала населения таёжного Причудья конца XVI – XVII в., а также его мировоззренческих представлений и мифологической модели мира.

Эвристические возможности семиотического подхода к исследованию материалов разных категорий оцениваются исследователями очень высоко (особенную роль в формировании этого интереса сыграли работы А.К. Байбурина). Применяется он и при осмыслении археологических источников, включая сибирские и сопредельные к ним. В частности, убедительно проиллюстрирован в разысканиях Ю.В. Балакина применительно к урало-сибирскому культовому литью (1998; 2002; 2005). В виде своеобразной знаковой системы можно воспринимать и *погребальный памятник*. Данное положение на современном уровне науки стало априорным, что подтверждает солидный ряд работ археологического профиля, однако выделение признаков обряда захоронения и их интерпретация у разных авторов отличаются. Какой-то канонический метод в этой процедуре вряд ли может существовать.

Исследуемый памятник как сложно структурированный объект наполнен группами элементов, относящимися к разным уровням сложности курганного комплекса: миникомплексу, погребению, надпогребальному сооружению и внекурганному объектам. Осознавая этот памятник как систему, его можно рассматривать в синтаксическом, семантическом и прагматическом измерениях. С этой позиции исследовался археоботанический объект и материалы, последовательно представляющие другие возрастающие уровни: погребение – курганный комплекс – весь могильник. Сделана попытка приблизиться к пониманию некоторых сакральных значений элементов в обряде захоронения.

Интерпретация кургана I Зырянского могильника потребовала, прежде всего, обращения к массовому этнографическому, фольклорному и историко-культурному материалу. Толкование знаковой сущности признаков курганного комплекса основывалось на аналогиях в культуре народов Сибири, в основном – тюркско-монгольских. Границы историко-культурных сопоставлений были определены кругами языковой и территориальной близости, кругом возможных общих этногенетических корней относительно населения, оставившего Зырянский могильник. Такое широкое поле сравнений считаю возможным объединить, так как сибирские народы связывало шаманистское мировоззрение. При интерпретации использованы и археологические источники, в том числе из таёжного Причудья. Особо любопытно сравнение с хотя и более ранними, но в настоящее время наиболее репрезентативными материалами именно территории исследования – среднечулымского варианта культуры енисейских кыргызов X–XIII вв. (Беликова, 1996). В целом, как отметил Ю.В. Балакин, «видимо, следует признать, что у археологии нет собственно археологических методов реконструкции духовной культуры; в любом случае эти реконструкции – результат междисциплинарного исследования» (2004, с. 36).

Основные итоги исследования. Курган I Зырянского могильника с трудом поддаётся семиотическому анализу. Смысловые интерпретации часто неоднозначны и противоречивы, что объясняется характером привлекаемых для сравнения этнографических, археологических и других материалов, неразработанностью методологии смысловой интерпретации археологического погребения, а также ограниченными возможностями самого археологического источника.

Рис. 1. Зырянский курганный могильник (р. Чулым, Томская область). Курган 1, погребение, скелет 1.

Шаманский атрибут из девяти латунных накладок. Раскопки О.Б. Беликовой 1985 г.
Колл. 7578 МАЭС ТГУ

Для населения таёжного Причудья XVI–XVII вв. предположительно реконструированы некоторые черты мировоззрения, хорошо вписывающиеся в столь развитую в Сибири шаманистскую традицию. Вырисовываются универсальные представления о трёх сферах Вселенной – нижней, средней и верхней. Одним из возможных материальных воплощений модели Вселенной является атрибут в виде полосы из девяти латунных накладок (рис. 1), символизирующий мировое древо, лестницу в иные миры, дорогу и проч., а также горизонтальное строение Вселенной. Предположительно обряд захоронения отражает такие этнографические реалии, как образ богатыря-кузнеца-шамана (скелет 2) и «небесной» шаманки (скелет 1). Вероятнее всего, шаманским атрибутом являлся упомянутый латунный комплект из девяти накладок (рис. 1), крепившихся поло-

сой на какую-то основу. Этот артефакт Зырянского могильника семантически близок *тэм* у чулымских тюрков – главному шаманскому атрибуту, представляющему погремушку с кольцами, «число которых также соответствовало числу небесных и подземных сфер, посещаемых шаманом» (Львова, 2001).

Допустимо говорить о существовании представлений о круговороте жизни. Наиболее ярко идею единства жизни и смерти воплощает объект с ботаническим скоплением, а также такая акция обряда по отношению к телам кузнеца-шамана (скелет 2) и женщины-шаманки (скелет 1), как отчленение голов, – залог круговорота их духовной силы, их смерти и воскрешения. Историческая интерпретация результатов палеокарпологического анализа была значительно осложнена ограниченностью этноботанических сведений в документах начального освоения Сибири и трудах её первоисследователей. Можно говорить о многозначности образа семян и травы в традиционных представлениях чулымского населения конца XVI – XVII в. о природе и человеке, в погребальном обряде и, вероятно, в шаманстве. Археоботанический комплекс, включающий семена травянистых растений и остатки самих трав, предстаёт эквивалентом мирового дерева.

Основными целями погребального обряда, воплощённого в материалах кургана 1 Зырянского могильника, являлось отправление в потусторонний мир трёх умерших людей, обеспечение там их благополучия, а также выполнение по отношению к живым благожелательной защитной и репродуктивной функций. По материалам погребения проявляющийся в проводных действиях архетип Великой Матери соотносится с мифологемой «дыра» (ямка 1), мотивами «открывание и закрывание» (молоты в ямке 2), «закрывание дыры» (заполнение ямки 1 семенами, плодами и другим растительным содержимым, угольками, кузнечными шлаками и проч.), «жертвенный комплекс» (ямки 1–3), «жертвоприношение у столба» (археоботанический комплекс рядом с реконструированным деревянным вертикальным элементом) и др. Надо признать, что смысл всех компонентов раскопанного погребального комплекса никогда не будет разгадан.

Хозяйственная модель населения, оставившего курган 1 Зырянского могильника, реконструируется как производящая экономика. Уверенно можно говорить о земледелии, возможно, пашенном, а также о таком элементе скотоводства как коневодство. Занимались кузнечеством, ткачеством, изготовлением берестяных изделий. Культурно-этническая интерпретация материала кургана 1 позволила определить, что в конце XVI – XVII в. в таёжном Причудльмье в районе устьев р. Яя и Кия, на территории Кызылдеевой (Агеева, Чибинская) волости чулымских тюрков проживало население тюркского облика, в формировании которого, возможно, участвовали кетский (пумпокольский) и тунгусский этнические компоненты. Погребально-поминальный обряд и инвентарь даже одного погребения демонстрируют многокомпонентность в культурно-этническом составе населения таёжного Причудльмья конца XVI – XVII в.

Можно надеяться, что в будущем культурно-этнические исследования этого региона будут углубляться в плане выработки общей междисциплинарной методологии для анализа материала и решения различных проблем, а не только основываться на обобщении данных смежных наук.

В.В. БЫКОНЯ

Россия, Томск

Томский государственный педагогический университет

О БОЖЕСТВАХ «СОЛНЦЕ» и «ЗЕМЛЯ» В КУЛЬТУРЕ СЕЛЬКУПСКОГО ЭТНОСА
(НА ОСНОВЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ)

Лингвистический аспект исследования, выявление смыслов, учёт символизма в языке и культуре позволяют вычленив в духовной культуре этноса древние объекты культа. Духовность как стержневой феномен культуры формируется в единении духовного развития прошлого, настоящего и будущего. Мы, с известной долей условности, выделяем в духовной культуре этноса следующие древние объекты поклонения: 1) мифический предок «солнце»; 2) мифический предок «земля»; 3) мифический предок «ворон (чёрный)»; 4) мифический предок «медведь»; 5) мифический предок «собакоподобное существо»; 6) мифический предок «паук». В соответствии с этим можно выделять «птичье» племя, «медвежье» племя, «паучье» племя и др. Такая внутренняя организация заложена в системе языка, в частности, на том этапе словотворчества, который мы можем соотнести с протоязыком. Как отмечают современные учёные, протоязык в отличие от современного языка характеризуют отсутствие грамматики, в нём допустима свободная вариативность звуковых комплексов, несущих диффузную семантику (Николаева, 1996, с. 81). Эту мысль высказывал во второй половине XIX в. выдающийся философ и психолог В. Вундт. Решая проблему происхождения языка, он обратился к так называемому радикальному языку, т.е. языку, в котором нет грамматики, предложения строятся как свободная последовательность корней, соответствующая ходу мысли говорящего. Отметим, что не только предложения, но и отдельные слова строились по такому же принципу. Например, чтобы сказать «в доме», в селькупском языке употребляют два слова – дом и внутренность. Учитывая такой принцип построения слова в агглютинативных языках, мы можем объяснить природу ряда грамматических элементов, образовавшихся на этапе грамматикализации в результате абстрагирования.

В предлагаемом исследовании мы обращаемся именно к последовательности корней – компонентов слов с тем, чтобы с помощью их значений выделить частные представления и конкретные мысли говорящих. Впоследствии, когда слово превращается в символ, значения его составных элементов уже не принимаются во внимание. Частные представления и конкретные мысли, отраженные в анализируемом лексическом пласте, раскрываются с использованием методики морфемного членения слова и соотнесения его компонентов с однокоренными словами или их компонентами. С одной стороны, представляется возможным восстановить исходное значение слов, которые «склеены» из ранее самостоятельных слов или их частей, с другой стороны, раскрывается мир связей и отношений, в котором находился человек на этапе формирования этноса и культуры. Конкретным проявлением такого подхода к